

УДК 821.113.6(485)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-43

Серия «Авантюристки»

Kirstin Chen
COUNTERFEIT

Печатается с разрешения William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского Александры Смирновой

Оформление обложки Елены Лазаревой

Чен, Кирстен.

Ч-43 Подделка: [роман] Кирстен Чен; — [перевод с английского А. Смирновой]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Авантюристки).

ISBN 978-5-17-148641-9

Если модные бренды обманывают нас, продавая вещи по завышенной цене, можем ли мы обманывать их в ответ? Является ли подделка подделкой, если ее нельзя отличить от оригинала?

Когда бывшая соседка по комнате в колледже, Винни Фэнг, предлагает Аве Вонг заняться подделкой брендовых сумок (и не просто подделкой, а безупречной, один к одному), Ава сперва отказывается. Она привыкла жить честно! Но вскоре жизнь вынуждает ее рассмотреть предложение. Так начинается гениальная схема мошенничества.

Это история про сумки? Про авантюру века? Или может быть про дружбу и предательство? Про то, в чем кроется секрет успеха?

В этом романе есть все!

УДК 821.113.6(485)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-148641-9

© Kirstin Chen, 2022
© Смирнова А., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Первое, что я отметила — глаза. Огромные, как у анимешного персонажа, с большими тяжёлыми веками, искусно накрашенными в сложных медных тонах, обрамлённые наращенными ресницами премиум-класса, густыми и мягкими, как мех норки. Потом волосы — гладкие, но пышные, спадавшие до середины груди тугими кольцами, и кожу, безупречно чистую и очень белую. И одежду — роскошную шёлковую блузку, лабутены. И наконец, сумку — огромную сумку «Биркин 40» классического оранжевого цвета. Тогда я не знала всех подробностей, но, как большинство людей, понимала, что такие сумки — абсурдно дорогие и абсолютно бесполезные. Всё это я к тому, что женщина, стоявшая в дверном проёме кофейни по соседству от моего дома, выглядела очень богатой. Богатой, как туристы из Азии. Как китайцы с материка. Богатой-пребогатой.

Конечно, я была удивлена. За те почти двадцать лет, что мы не виделись, она изменилась так, что уже вообще ничем не напоминала мою соседку

по общежитию в первый год учёбы. У неё даже голос изменился. В Стэнфорде у неё был сильный певучий акцент. Каждое слово, которое она произносила, закруглялось на конце, как лист латука. Ей не удавалось смягчать звук «з», он выходил грубым: зэбра, зэлень. Теперь я бы далеко не сразу поняла, что она из Китая. Когда она назвала свою фамилию по телефону, она прозвучала почти как «фен». *Ава? Это ты? Это Винни Феенг.*

С какой стати она вообще захотела со мной пересечься? Где она взяла мой телефон? Теперь-то я могу предположить, что она велела своему частному детективу вычислить мои данные, но когда я у неё спросила, она беззаботно ответила: ой, да просто нашла тебя в списке выпускников.

Я не стала расспрашивать подробнее. Я согласилась выпить вместе кофе лишь потому, что мне было любопытно посмотреть, что с ней стало. Она так резко бросила колледж в середине первого учебного года. Никто из моих друзей с ней не связывался, в соцсетях её не было, во всяком случае, под настоящим именем. Время от времени до меня доходили слухи: что она вернулась в свой родной Сямэнь и закончила учёбу там, что она перебралась в Вирджинию ухаживать за больной тётей, что вышла замуж за американца и почти сразу развелась. Подруга моей подруги говорила, что наткнулась на Винни в Лос-Анджелесе во время экскурсии в дорогую частную школу с полным

погружением в китайский язык — там, по всей видимости, Винни преподавала чистописание.

Женщина в дверном проёме меня увидела. Ава! — воскликнула она и помчалась ко мне, распахнув в объятии одну руку — раскинуть другую ей мешала увесистая «Биркин». Работники кофейни взглянули на неё с ленивым любопытством, может быть, приняв её за кого-то из инвесторов, а потом вновь уткнулись в свои экраны.

Я постаралась одеться получше, сменила привычные леггинсы на нормальные штаны на молнии, нанесла консилер под глаза. Но сейчас я чувствовала себя заурядной, как коричневый бумажный пакет.

Винни заказала двойной эспрессо и, взяв чашку и блюдце кукольного размера, под села ко мне. Первым делом я спросила, что привело её в Сан-Франциско, и она ответила, что она тут по делам — производство сумок, тоска смертная — и рассеянно отмахнулась, продемонстрировав кольца вечности¹, унизанные изумрудами и сапфирами. Подумать только, я оставила дома обручальное кольцо, чтобы не показаться слишком броской!

Вижу, ты удивлена, почему я позвонила, сказала она. Она объяснила, что её близкому другу в Китае понадобилась пересадка печени, и он хочет, чтобы операцию провели в США. Мой муж ведь хороший

¹ Кольца из золота или платины, по кругу украшенные драгоценными камнями.

хирург — могу я дать его контакты? Конечно, она понимает, что он очень ценный специалист.

Ещё раз: мы двадцать лет не общались! Неправильно истолковав моё выражение лица, она сказала: я понимаю, после выборов трансплантаты для иностранцев почти не достать, но, пожалуйста, твой муж ведь может просто поговорить с моим другом?

Ладно, пообещала я, передам Оли. Она рассыпалась в благодарностях, а потом сказала: ну а как ты вообще, Ава? Расскажи мне всё. Мы столько лет не общались.

Я быстренько пробежалась по списку (пока она усердно делала вид, что частный детектив ей всё это не сообщил). Муж, Оливье, о котором она, судя по всему, уже немного знает, наполовину француз, наполовину американец, женаты четыре года. Малыш Анри двух лет — хочешь посмотреть фото? Вот он в нашем саду, да, мы живём на этой же улице, чуть правее.

А с работой как?

Я дала стандартный ответ: оставила юридическую фирму, когда родился Анри, и теперь работаю из дома, так удобнее, баланс и всё такое. Пока я говорила, я изучала её лицо, пытаюсь понять, что изменилось. Конечно, пластика век, сильная подтяжка лица, включая лазерную хирургию и микротоковую терапию, качественное наращивание волос, дизайнерская одежда. Но дело было не только в этом. Сидя напротив меня, прихлёбывая кофе из крошечной ке-

рамической чашечки, Винни выглядела спокойной, расслабленной, выглядела как человек, который вписался в этот мир.

Что произошло с той полноватой серьёзной девочкой, которая вошла в нашу комнату, таща за собой пару потёртых ядовито-розовых чемоданов, набитых, как потом выяснилось, акриловыми кардиганами и плохо сидевшими брюками из полиэстера? С этой самой минуты стало ясно, что мы не подружимся.

Почему, спросите вы? По обычным стереотипным причинам, которые так важны для подростков. Она была неловкой, нелепой, запуганной. Страшно запуганной. Только что с корабля.

Нет, я тоже тогда была не особенно крутой, но мой случай был не критичным. Я понимала, что хорошие друзья по колледжу меня исправят, а плохие утянут на дно, и что у меня лишь крошечный клочок времени, чтобы сделать правильный выбор.

Понимаете, детектив, мне тогда казалось, что я всю жизнь ждала возможности попасть в Стэнфорд. Я выросла в пригороде Бостона — в Ньютоне, если вам интересны подробности — и была тихой зубрилой, которую никто не замечал. Ну то есть учителя, конечно, замечали, потому что у меня были отличные оценки, но постоянно меня путали с Розой Ши, моей такой же тихой зубрилой-подругой. Ещё несколько похожих на нас ребят со мной дружили, но для всей остальной школы, для *нормальных* её учеников, я была невидимкой.

Хотите пример? Однажды брат приехал домой на каникулы, мы пошли за мороженым и наткнулись на Митча Паулсона, его бывшего партнёра по теннису. Парни пожали друг другу руки, похлопали по плечам, ну и я помахала рукой этому Митчу. И клянусь вам, лицо Митча ничего не выражает. Гейб ему говорит: это Ава, моя младшая сестра, — а Митч отвечает: очень приятно, рад познакомиться.

Рад познакомиться! Я видела больше десятка их матчей. Я знала, с кем Митч встречался в выпускном классе, и с кем встречался до этого, а он вообще понятия не имел, кто я такая.

В Стэнфорде было полным-полно таких, как я. Я купила себе контактные линзы. Я отрастила волосы до такой длины, чтобы можно было заплетать их в косы. Я хотела, чтобы меня заметили, и если мне не досталась в соседки по комнате высокая спортивная блондинка, я не собиралась позволить той, которая мне досталась, встать у меня на пути.

В свою защиту скажу, что я старалась не быть с Винни гадкой. Я скрывала своё раздражение и отвечала на её бесконечные вопросы — в основном стандартные, типа где взять студенческое удостоверение, какой пароль от общей почты. Но помимо этого, у неё была отвратительная привычка путать меня со своим карманным словарём. Она поминутно спрашивала, что значит то или иное непонятное ей слово, вроде *двойственность*, *соответствие*, *тщеславие*.

С учётом того, что большая часть нашего общения в колледже сводилась к её просьбам о помощи, мне, наверное, не стоило очень уж удивляться тому, что она и теперь попросила помочь с операцией её друга.

Остаток дня она осыпала меня комплиментами, говорила, например: *не удивлена, что у тебя такой талантливый и такой красивый муж. И: всегда знала, что у европейцев и азиатов получают самые чудесные дети. И: из всех девчонок в колледже я больше всех завидовала тебе.* Растаяв от её лести, я не сразу поняла, что уже попалась на крючок, с самого начала, ещё когда совершенно её недооценила.

Винни изображала интерес к истории нашего с Оли знакомства, когда воздух пронзил крик, который я ни с чем не спутаю. Я повернулась на этот крик, вслед за мной Винни и другие посетители. На тротуаре у кофейни лежал на спине мой Анри с красным от ярости лицом. Рядом с ним на корточках сидела Мария, храни её Господь, и что-то пыталась ему втолковать со спокойной решимостью во взгляде.

На долю секунды мне захотелось сделать вид, что я тут вообще ни при чём (и прежде чем вы обвините меня в бессердечности, детектив, хочу заметить, что его истерики не прекращались почти никогда). Двое мужчин в стильных очках, сидевшие за соседним столиком, обменялись ухмылками, и я, объяснив Винни, что этот визжащий ребёнок — мой, выбежала за дверь.

Что случилось, спросила я Марию, склонившись над сыном, бешено дрыгавшим ногами. Он приоткрыл один глаз, увидел, что это я, и продолжил завывать.

Мария вздохнула. Ничего, как обычно, бедняжка.

Я погладила потные волосы Анри. Ну, булочка моя, что такое? Расскажи маме, что не так.

Но рассказать он не мог, и в этом был корень всех наших проблем. В возрасте двух лет он был вдумчивым и глубокомысленным человеком. Больше всего на свете он стремился передать свои чувства, для описания которых у него не было языка, и кого из нас это бы не расстроило? Так что ему приходилось разражаться истерикой по самым безобидным причинам: посадили в коляску, вытащили из коляски, схватили за руку, чтобы перевести через дорогу, вытерли полотенцем после купания. Что угодно могло вывести его из себя. В первые несколько лет жизни он так много орал, что постоянно хрипел. Нет, нет, мой ребёнок полностью здоров. Сейчас он чувствует и ведёт себя намного лучше, пусть даже его голос по-прежнему как у маленького Рода Стюарта.¹ Это даже довольно мило, правда.

Но в тот день мой сын продолжал визжать, пока мы с Марией повторяли весь наш репертуар трюков: гладили ему животик, потирали макушку, щекотали предплечья, сводили и разводили ноги. Женщина, выгуливающая золотистого ретривера, сочувственно

¹ Британский певец (род. 1945), занимает 32-е место в списке ста величайших певцов по версии журнала G.

закудахтала. Няня велела паре мальчиков-близнецов перестать пялиться.

Единственное, что можно было сделать — сесть на корточки и ждать, издавая успокаивающие звуки, которые воспринимались им как белый шум. Какое-то время спустя Анри устал. Его пинки стали менее неистовыми, мышцы лица ослабли. Я протянула руку и пощекотала ему живот, чего иногда было достаточно, чтобы помочь ему окончательно расслабиться. Но не в этот раз. В тот момент, когда мой палец коснулся его мягкого животика, его челюсть отвисла, и он издал душераздирающий крик. Плач снова разразился в полную силу. Я вновь села на корточки и уже собиралась сказать Марии, чтобы она подняла его с тротуара и, как может, тащила домой.

Но тихий, тёплый голос за моей спиной запел китайскую детскую песенку. *Льенг жи лао ху, льенг жи лао ху, пао де куэй, пао де куэй.*

Обернувшись, я увидела, что Винни стоит, согнувшись, положив руки на колени, и сосредоточенно напевает о двух тиграх, одном без глаз, а другом без хвоста. *Джен цси квай, джен цси квай.* Я узнала мелодию — мы это пели в начальной школе на уроках китайского.

Плач внезапно прекратился. Не переставая петь, Винни отцепила пушистый серый брелок с ручки «Биркин». Не давай ему, он тебе не вернёт, выдохнула я. Но она протянула меховой клубок Анри.

Надеюсь, это не настоящая норка, пробормотала я. Анри сжал шарик и пискнул от удовольствия. Густая струя слюны упала на мягкий мех.

О Господи, воскликнула я. Винни рассмеялась и потрепала Анри по голове, и тот сладко заурчал.

Это тётя Винни, сказала я. Скажешь ей спасибо?

Он вытер мехом слюнявые губы.

Я объяснила Винни, что, хотя он всё понимает, он пока не говорит, и Оли объясняет эту небольшую задержку тем, что он станет билингвом.

Какой умный мальчик, сказала Винни.

Мне было стыдно возвращаться в кофейню, так что когда Мария каким-то чудом умудрилась без происшествий усадить Анри в коляску, я предложила пойти к нам.

У нас дома Винни тут же уселась за пианино и сыграла «Ты мигай, звезда ночная», напевая на китайском — *ей шань ей шань льянг джинг джинг* — и уча Анри показывать мигающие звёзды его пухлыми маленькими лапками.

У меня защипало в глазах. Прошло всего полгода, как не стало мамы. Она должна была научить Анри китайскому. Она растирала мне спину и говорила, что это нормально — уставать так, чтобы вырубиться, когда чистишь зубы. Она отговаривала меня от того, чтобы посадить Анри на строгую диету из лосятины и оленины, когда я во всём винила гормоны и антибиотики.

Винни заметила слезу, бегущую по моей щеке, и убрала руки с клавиш.

Что случилось, Ава?

Анри подёргал себя за мочку уха, сигнализируя о начинавшем нарастать волнении. Ничего. Продолжай.

Она опустила руки на колени. Вопль Анри, начавшись с низкого грудного рычания, стал набирать силу, поднимаясь по шкале до полной полицейской сирены.

Мария, позвала я.

Няня выбежала из кухни, вытирая руки о джинсы, подхватила Анри и потащила в спальню. Я взяла салфетку и вытерла щеки.

Оли говорит, что это фаза.

Конечно, сказала Винни. Все малыши такие.

Я не хотела, чтобы она подумала, будто я плачу из-за сына, поэтому рассказала ей о маминой смерти. Она зажала рот рукой. Она помнила мою маму, которая как-то раз приезжала в Стэнфорд.

О, Ава, мне так жаль. Она, наверное, была такой чудесной бабушкой.

Я сказала ей, что первые три месяца жизни Анри она жила с нами в одной комнате. Она просыпалась каждый раз, когда нужно было его кормить, меняла бесчисленное количество подгузников, обещала мне, что когда-нибудь он перестанет плакать. Она упала замертво — по-другому это не описать — на беговой дорожке в спортивном зале. Внезапная остановка сер-

дда. Шестьдесят девять лет, худая, как гончая, и даже простудой почти не болела.

Вопли сына сменились прерывистыми рыданиями. Норковый брелок Винни лежал на ковре, серый и мокрый, как подарок от кошки. Наклонившись, чтобы поднять его, я заметила выбитое на металлическом зажиме слово FENDI.

Вот блин, сказала я.

Ничего страшного. Оставь себе, пусть Анри играет.

Как только она ушла, я стала искать в Интернете такой же брелок, чтобы возместить ущерб. И угадайте, сколько он стоил? Шестьсот баксов. Само собой, я решила ничего не компенсировать. В следующий раз, когда у Анри случился приступ, я помахала обнюнявленным шариком перед его лицом. Он рассердился, оттолкнул брелок и продолжал кричать.

После этого Винни давала мне знать всякий раз, когда приезжала в Сан-Франциско из Лос-Анджелеса. По ее словам, она регулярно приезжала сюда по работе, поэтому часто останавливалась в отеле «Сент Реджис» в центре города. Я была впечатлена. В последний раз, когда я смотрела, сколько там стоят номера, они стоили семьсот баксов за ночь.

Учитывая всё, что я сказала до этого, вы, должно быть, задаётесь вопросом, почему на этот раз я так охотно с ней подружилась. Что ж, признаюсь — сначала я была ослеплена её богатством и красотой, её чрезвычайной самоуверенностью. Я полагаю, что

в каком-то смысле я так и не выросла из студенческих штанишек и по-прежнему хваталась за крутых друзей, как за спасательные круги.

Но была и более глубокая причина. Она заключалась в том, что никто, кроме моей мамы, не мог успокоить Анри, и я была в отчаянии. Сын по-прежнему просыпался каждые три часа или около того, а это означало, что я уже два года не могла позволить себе целую ночь спокойного сна.

Днями напролёт я пялилась в экран ноутбука, изучая специальные диеты для подавления истерик, пока решительная Мария возила Анри с терапии сказками на уроки музыки и в парк. На той неделе, когда позвонила Винни, мне прислали восемь фунтов бизоньего мяса из Висконсина, и все они были спрятаны в потайной морозильной камере в гараже, потому что Оли питал особое презрение к лженауке о питании. И правильно! Я думаю, мы все согласимся, что моё поведение было неуравновешенным.

О, и кстати об Оли — я говорила, что он правильно сделал, когда перешёл из университета Калифорнии в Стэнфорд? Несомненно, звёздный шаг в карьере, но к тому же бесконечно долгая поездка на работу вдобавок к бесконечно долгому рабочему дню, а это означало, что Оли не успевал вернуться домой к тому времени, когда Анри надо было укладывать спать.

Так что, как и всякая перегруженная молодая мама, я была благодарна Винни за помощь.